

ПОГОСТЫ РЯЗАНСКОГО ОЛЬГОВА МОНАСТЫРЯ XIII–XIV в.

Основным источником по истории раннего землевладения Ольгова монастыря является жалованная грамота великого князя рязанского Олега Ивановича второй половины XIV в. В ней содержатся указания как на вновь жалуемые земли (с. Арестовское), так и на древние, доставшиеся этой обители от предшественников Олега на рязанском столе (погосты Песочна, Холохолна, Заячины, Веприя, Заячков). Грамота имеет более позднюю приписку с обетом предоставить ряд льгот Ольгову монастырю в случае возвращения на вотчину. В данной статье будут рассмотрены спорные вопросы о датировке грамоты, статусе и политической принадлежности упоминаемых в ней земель в XIII–XIV в. и ее достоверности в отношении владельческой принадлежности упоминаемых земель.

Грамота Олега Ивановича Ольгову монастырю дошла до наших дней в подлиннике¹. Она неоднократно публиковалась в XIX–XX в.²

На данный момент в историографии есть три точки зрения о времени написания грамоты: 1371 г. (Д. И. Иловайский и Д. В. Цветаев, этой датой оперируют Б. А. Романов, Л. В. Черепнин, А. И. Цепков) [Иловайский, с. 183, 196–197, 254–255, 279–283; Романов, 1940, с. 205–224; Черепнин, ч. 2, с. 125–130; Цветаев, с. 18–56; [Цепков], с. 163–182]; 1355/1356 г. (А. Ю. Дворниченко) [Дворниченко, с. 296–306]; 1356–1387 г. (Я. И. Бередников) [Бередников, с. 134–138].

Очевидными датирующими признаками грамоты являются указания на правление великого князя Олега Ивановича и епископа рязанского Василия II. Первое упоминание Олега Ивановича как рязанского князя относится к 22 июня 1353 г.³, умер он 5 июня 1402 г.⁴ Это дает возможность датировать грамоту началом 50-х годов XIV в. – 1402 г. Год «поставления» епископа Василия на Рязань и Муром – 1355/1356 г.⁵ Как отметил Д. В. Цветаев, Василий еще был жив в 1371 г., когда князь Владимир Дмитриевич (Ярославич) Пронский «пожаловал ему имение» [Цветаев, с. 33]. В 1377/1378 г. в летописном «списке епископов», поставленных митрополитом Алексеем, в качестве епископа рязанского упоминается Афанасий, в этом же списке фигурирует и Василий II⁶. Не ясно, был ли Алексей поставлен позже или раньше Василия, так как список нуждается в дополнительном изучении. В 1387/1388 г. «Пимен митрополит Московский постави Феоноста епископа на Рязань»⁷. Таким образом, по упоминанию епископа Василия грамоту можно датировать 1355/1356–1387/1388 г. Следует отметить, что Олег не мог выдать грамоту в 1371–1372 г., когда рязанский великокняжеский стол занимал Владимир Дмитриевич (Ярославич) Пронский⁸.

¹ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). Рязань. Ед. хр. 1/9821.

² Муханов П. А. Сборник Муханова. М., 1836. С. 194–195; Изд. 2-е, допол. СПб., 1866. С. 194–195; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. I. С. 2–3; Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): Общее повременное положение. Изд. 2-е. СПб., 1882. Стб. 213; Лихачев Н. П. Материалы для истории русского иконописания: Атлас. СПб., 1906. Ч. II. С. 18, СССРХVI; Жалованная грамота Олега Рязанского: древнейший документ Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. С. 4–10; АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 322. С. 350–351.

³ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 63; М., 2007. Т. XVIII. С. 98–99. В 1349/1350 г. умер рязанский князь Василий Александрович (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 59; Т. XVIII. С. 97; М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 178). 6859 г. по Московскому летописному своду конца XIV в., 6858 г. по Рогожскому летописцу и Симеоновской летописи. Таким образом, у нас нет сведений о том, кто был рязанским князем в 1350–1353 г.

⁴ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 150; Т. XXV. С. 231–232.

⁵ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 64; Т. XXV. С. 180.

⁶ ПСРЛ. Т. XV. С. 123; Т. XVIII. С. 121; М., 2000. Т. XXIV. С. 136; Т. XXV. С. 194–195.

⁷ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 154, 155.

⁸ АСЭИ. Т. III. № 316. С. 346–347 (датировку опубликованного акта, вероятно, можно сузить до 1371–1372 г.); ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 67.

Приписка к грамоте традиционно датируется 1371 г., когда Олег Иванович был вынужден покинуть Переяславль Рязанский в связи со сложившейся обстановкой [Черепнин, ч. 2, с. 125–130; [Цепков], с. 163–182; Дворниченко, с. 296–306]⁹. В ней чувствуется обеспокоенность по поводу владения «отчиною». Данную датировку можно «уточнить» декабрем 1371 – февралем 1372 г. [Кучкин, 1999, с. 66–67]. Б. А. Романов указал на события 1373, 1379 и 1382 г., которые могли послужить причиной составления приписки [Романов, 1940, с. 214–215]. Пожалуй, к ним можно добавить события 1378 г., связанные с сожжением Переяславля Рязанского¹⁰.

Для уточнения датировки грамоты и для осмысления реальности подтверждения монастырского иммунитета следует локализовать и определить политическую принадлежность погостов (Песочна, Холохолна, Заячины, Веприя, Заячков), упомянутых в грамоте.

Б. А. Романов считал, что грамота была написана в канцелярии монастыря и что упомянутые в тексте грамоты «семьи» погосты – своеобразный «лимит», который рязанский князь должен вернуть монастырю в случае невозвращения утерянных территорий (Холхол, Вепрейка, Заячков). Борис Александрович предположил, что грамота создавалась с целью подтвердить владения рязанских князей в левобережье Оки и поэтому перечисление погостов является легендарным, так как монастырь не владел ими в XIV в. Свое предположение он обосновал локализацией погостов, упомянутых в грамоте, на территории Московского и Пронского княжеств. Также историк усомнился в реальности пересказа грамоты XIII в. [Романов, 1940, с. 205–224].

Л. В. Черепнин полностью согласился с Б. А. Романовым и сделал на базе его выводов ряд утверждений о московско-рязанских отношениях в 70–80-е годы XIV в. По его мнению, в грамоте не могли бы появиться элементы легенды, если бы интересы духовной и светской властей не совпали в желании «распространения рязанского политического влияния за пределы московско-рязанского рубежа». Историк приходит к выводу, что «грамоту предполагалось использовать как документ при московско-рязанских переговорах», на которых Олег выступал как «блюститель интересов своего монастыря» [Черепнин, ч. 2, с. 125–130].

Надо отметить, что Б. А. Романову и Л. В. Черепнину не удалось убедительно доказать, что Рязань не могла владеть перечисленными в грамоте погостами в XIII в. Так, А. Л. Монгайт считал, что «нет оснований отрицать, что этот документ опирается на подлинные факты, восходящие к XIII в.» (археолог при этом не привел аргументов в пользу своей точки зрения) [Монгайт, с. 344–345]. Категорически против выводов Б. А. Романова и Л. В. Черепнина выступил А. И. Цепков. В качестве аналогии тексту анализируемого акта А. И. Цепков привел пересказ жалованной грамоты рязанского князя Ивана Федоровича 1427–1456 г., интерполированный в «родовое письмо» Шиловских, в котором он нашел отсылку на «прадедовское дарование», и якобы имеющий ряд совпадений в тексте с жалованной грамотой Ольгову монастырю (ранее подобную мысль высказал Б. А. Романов (см.: [Романов, 1960, с. 357–358, примеч. 38])). По поводу «родового письма» Шиловских хотелось бы отметить, что речь в «письме» идет не о московско-рязанском пограничье, а о регионе Средней Оки – с. Шилове (Неринском), родовой вотчине Шиловских [[Цепков], с. 165–168]¹¹. К тому же в грамоте монастырю речь идет о пяти погостах, в «родовом письме» – о пяти погостах и двух околицах; о монастырском и частновладельческом землевладении. Если мы имеем дело с устоявшейся «формулой» рязанских грамот (как утверждал Б. А. Романов), то возникает вопрос об отсутствии данной формулы в других актах Рязанского княжества. Скорее всего, прав был Б. А. Романов, который в статье

⁹ Жалованная грамота Олега Рязанского. С. 32–34.

¹⁰ ПСРЛ. М., 2007. Т. XVIII. С. 127.

¹¹ Акты XIII–XVII в., предоставленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898. Ч. I: 1257–1613. С. 199–200; АСЭИ. Т. III. № 352. С. 376–377; Акты служилых землевладельцев XV – нач. XVII вв. М., 2008. Т. IV. № 493. С. 361–362.

1940 г. писал, что в росписи Шиловских приведен пересказ жалованной грамоты Олега Ивановича Ольгову монастырю [Романов, 1940, с. 220, примеч. 1]. Интересен тот факт, что предшествующий пересказу акта в «родовом письме» текст о захвате Гедимином Киева находит ряд параллелей в литовско-белорусском летописании XVII в.¹²

А. Ю. Дворниченко отказался видеть в тексте грамоты «элемент легенды». Историк предполагает, что Б. А. Романов оказался в «порочном кругу» поиска погостов вне территории Рязанского княжества, и предлагает иные локализации данных административно-территориальных единиц. Однако часть погостов по локализации А. Ю. Дворниченко все равно оказалась на территории Московского княжества второй половины XIV в. Он считает, что «семьи», упомянутые в грамоте и жившие на землях, отошедших к Московскому княжеству, впоследствии мигрировали на территорию Рязанского княжества и оставались в ведении монастыря [Дворниченко, с. 296–306]. К сожалению, он не приводит доказательств такой миграции, а Ольгов монастырь не владел одноименными населенными пунктами на территории нынешней Рязанской области — деревнями Большая и Малая Песочны (см. ниже). Других аргументов против «легендарности» грамоты А. Ю. Дворниченко не привел.

Таким образом, в историографии сложилось две точки зрения на вопрос реальности владения Ольговым монастырем пятью погостами, упомянутыми в грамоте. Обратимся к конкретным примерам упоминаний погостов, перечисленных в ней.

Д. В. Цветаев, М. К. Любавский и А. Ю. Дворниченко локализовали погост Песочна в среднем течении р. Оки, на территории Окологороднего стана Рязанского уезда по топонимам XVI–XVII в. [Дворниченко, с. 299–300; Любавский, с. 130]¹³. Б. А. Романов считал Песочну коломенской волостью [Романов, 1940, с. 217]. Версию Б. А. Романова подкрепляют археологические данные об освоении территории Коломны и ее окрестностей в домонгольский период Рязанским княжеством [Мазуров, с. 83].

Кроме проблемы собственно локализации погоста Песочна в литературе обсуждались вопросы терминологии, относящиеся к понятию «погост».

Замечание А. Ю. Дворниченко о том, что Песочна грамоты — погост, а коломенская Песочна — волость, не является существенным, так как под термином «погост» в XIII–XIV в. понимали: 1) становище, усадьбу, место временного пребывания князя при объезде земель; 2) крупное село, центр сельской общины¹⁴ [Дворниченко, с. 299]. Нет ничего удивительного в том, что погост со временем мог превратиться в волость. Подобный процесс произошел с погостом Веприя жалованной грамоты (см. ниже). Таким образом, аргументация А. Ю. Дворниченко не позволяет признать гипотезу Б. А. Романова неверной. При этом Д. В. Цветаев, М. К. Любавский и А. Ю. Дворниченко не обратили внимание на то, что одноименными населенными пунктами в среднем течении Оки в конце XVI — начале XVII в. владели Мартыновы (Большая Песочна) и Чересовы (Малая Песочна)¹⁵. Данные свидетельства не говорят безоговорочно против «переславской» локализации Песочны, так как массив монастырских земель мог меняться. Но то, что монастырь не пробовал добиться возврата данных сел, говорит или об отказе от территориальных притязаний, или о неверности локализации.

Коломенская волость Песочна располагалась по течению р. Песоченки, соприкасалась с р. Отрой (Трой), из которой вытекала р. Песоченка (правый приток), и достигала речек Мерской и Северки [Веселовский, Перцев, с. 36–37, 44–45; Готье, с. 568; Дебольский, с. 3–4; Смолицкая,

¹² Ср.: АСЭИ. Т. III. № 352. С. 376–377; ПСРЛ. СПб., 1907. Т. XVII. Стб. 260, 312–313, 374, 438–439, 492–493; М., 1975. Т. XXXII. С. 37–38.

¹³ Жалованная грамота Олега Рязанского. С. 19–20.

¹⁴ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. И. С. Уханов. М., 2000. Т. VI. С. 488.

¹⁵ АСЗ. Т. II. № 267, 443. С. 239–240, 377–378.

с. 119; Мазуров, с. 67–68; Юшко, с. 20]. Песочна впервые упоминается как коломенская волость в духовных грамотах Ивана Даниловича Калиты 1336 и 1339 г.¹⁶ По ним Песочна должна была достаться Семену Ивановичу. В духовной грамоте Семена Ивановича Песочна не упомянута, так как, вероятно, причислена к «Коломне с волостми и с селы и с бортью»¹⁷. В следующий раз Песочна упомянута в первой и второй духовных Ивана Ивановича (1359 г.)¹⁸. По ним волостью должна была владеть княгиня Мария Александровна, третья жена Семена Ивановича Гордого [Экземплярский, т. I, с. 85, 88]. В них же отмечена принадлежность волости княгине Александре (вторая жена великого князя Ивана Ивановича) [Экземплярский, т. I, с. 92], и в случае смерти последней волость должна была достаться Дмитрию Ивановичу.

Л. В. Черепнин, считая, что до нас дошла одна духовная Ивана Ивановича в двух противнях, связывал это противоречие с тем, «что известному нам тексту... предшествовал другой, относившийся к более раннему времени» [Черепнин, ч. 1, с. 30]. Л. В. Митрошенкова считает, что княгиня была одна — вдова Семена Гордого Александра (Мария) [Митрошенкова, 2004, с. 174]. Однако данное утверждение идет вразрез со следующими строками духовных грамот: «А что за княгиню за М(а)рьєю Заащковъ, Заберегъ с мѣсты, то до ее живота, а по ее живот(ѣ) моѣи княгинѣ»¹⁹. К черепнинской интерпретации относительно княгини Александры вернулся В. А. Кучкин [Кучкин, 2004, с. 262–263, 279–280].

Согласно второй духовной грамоте Дмитрия Ивановича 1389 г. [Кучкин, 2001, с. 120–123], Песочна должна стать владением Василия I Дмитриевича, а при жизни Дмитрия волость была владением «своей княгини» (Евдокии)²⁰. В первой духовной Василия I (1406–1407 г.)²¹ Песочна упоминается как коломенская волость, которой Василий Дмитриевич «благословляет» Ивана Васильевича. Также в грамоте отмечается, что после смерти матери Василия Дмитриевича Песочна должна перейти к жене великого князя²². По второй (1422–1423 г.) и третьей (1424–1425 г.) духовным Василия I коломенская волость Песочна должна была отойти к его жене²³. По духовной Василия Васильевича (1461–1462 г.) Песочна входит в «коломенскую часть» удела князя Ивана, которую великий князь «дал своей княгине»²⁴. В духовной Ивана III Песочна не упомянута, так как, скорее всего, вошла в состав «города Коломны с волостми и с пути и з селы и со всеми пошлинами»²⁵. Таковую же ситуацию мы, вероятно, можем наблюдать и в завещании Ивана IV²⁶.

¹⁶ ДДГ. № 1. С. 7, 9; Кучкин В. А. Завещания московских князей XIV в.: Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты [1336 г.] // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 105; *Его же*. Издание завещаний московских князей XIV в. [1339 г.]: Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 129.

¹⁷ ДДГ. № 3. С. 13; Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Душевная грамота великого князя Симеона Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 123.

¹⁸ ДДГ. № 4. С. 15–18; Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в.: [1359 г.] Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 98, 99; *Его же*. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 94, 97.

¹⁹ Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича. С. 100; *Его же*. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича. С. 98.

²⁰ ДДГ. № 12. С. 33–35; Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в.: [1389, марта 25 — мая 16] Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 132, 134; Кучкин, 2001, с. 129–130, 139.

²¹ По мнению А. Б. Мазурова и А. Ю. Никандрова, грамота должна датироваться второй половиной февраля — 7 июня 1407 г. [Мазуров, Никандров, с. 232–233, 239].

²² ДДГ. № 20. С. 55, 56.

²³ Там же. № 22, 21. С. 60, 58. По поводу датировки грамот см.: [Мазуров, Никандров, с. 232–239; Пономарева, с. 103–112].

²⁴ ДДГ. № 61. С. 196.

²⁵ Там же. № 89. С. 354.

²⁶ Там же. № 104. С. 435.

В XVI—XVII в. Песоченский стан входит в состав Коломенского уезда [Веселовский, Перцев, с. 9, 36—37, 44—45; Мазуров, с. 67—68, табл. 2, 3].

Следует отметить, что безоговорочность локализации на данный момент затруднительна, так как гидроним не уникален в бассейне Оки [Смолицкая, с. 362 (по указ.)]. Однако иные варианты локализации, присутствующие в исследовательской литературе, не учитывают владельческую историю тех или иных «Песочен».

* * *

Д. В. Цветаев локализовал Холохольню в бассейне р. Плавы²⁷. Эта локализация не может быть признана верной, так как данные земли входили в состав Одоевского княжества [Беликов, Колычева, с. 104, 110; Шеков, с. 228—229, 232—233; карта 4]. Другой вариант локализации был предложен Б. А. Романовым: в районе р. Холхол, левого притока р. Протвы [Романов, 1940, с. 216]. В наши дни с ним ются В. Н. Темушев и Л. В. Митрошенкова [Митрошенкова, 2001, с. 178, рис. 1; Темушев, 2006, с. 92—93, 107]. Следует отметить, что р. Холхол (Хохоловка) — правый, а не левый (как считали Б. А. Романов и В. Н. Темушев) приток Протвы, что справедливо отметил О. И. Хоруженко [Хоруженко, р. 33—41]. Нижнее течение р. Протвы окончательно закрепляется за Москвой не позднее начала 80-х годов XIV в.²⁸ Холохольнский стан Малоярославецкого уезда существовал до 1768 г., когда был передан как «никакого смежства не имеющий» с Малоярославецким уездом в состав Оболенского уезда²⁹.

В 1368 г. Ольгерд убил «въ Холхлѣ» на «встрече» князя Семена Дмитриевича Стародубского, после чего двинулся в Оболенск и на р. Тросну, а затем — на Москву [Белы, с. 668; Темушев, 2008, с. 250—255; Хоруженко, р. 33—41]³⁰. Оболенск локализуется в бассейне р. Протвы на городище у с. Оболенское Жуковского района Калужской области [Шеков, с. 274—275]. В этом же регионе известна р. Тросна — левый приток р. Нары [Смолицкая, с. 96]. Все это позволяет с большой долей вероятности предполагать, что упомянутая в летописях Холхла располагалась в регионе бассейна р. Протвы. По второй духовной Дмитрия Ивановича 1389 г. Холхол (с Заячковым) должен отойти к великой княгине. Также грамота содержит следующие указания: «А что есмь подавал своеи княгинѣ волости и села изъ оудѣловъ дѣтии своих, и свои примысль, и слободы, и села, и Холхол, и Заечков, а с тѣх волости, и съ слобод, и съ сел, что возмет княгини моѣ, то ей и есть. А дѣти мои в то не въступаютъс(а)» [Кучкин, 2001, с. 138—139, 170]³¹. Таким образом, Холхол и Заячков, перечисленные в «одном ряду» в жалованной грамоте Олега, указаны вместе и в духовной Дмитрия Донского. Это наводит на мысль о верности нашего поиска погостов жалованной грамоты на территории Московского княжества в XIV в.

* * *

Погост Заячины Д. В. Цветаев локализовал «близ р. Прони, в Михайловском уезде»³². С ним согласились М. К. Любавский, Б. А. Романов и А. Ю. Дворниченко [Любавский, с. 130; Романов, 1940, с. 216—217; Дворниченко, с. 300—301]. Эта локализация является гипотетической. Починок Заечины и пустошь Большая Заячина находились в XVI в. в Моржевском стане Рязанского уезда³³. Моржевский стан располагался в среднем течении р. Прони [Русаков,

²⁷ Жалованная грамота Олега Рязанского. С. 21—22.

²⁸ ДДГ. № 10. С. 29. Данная грамота содержит указание на «рѣздел по Оке», согласно которому бывшие «рязанские места», расположенные в левобережье р. Оки, закреплялись за Москвой.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 1685. Кн. 6754. Л. 178—187 об. Ср.: [Митрошенкова, 2004, прилож. 4, 6, 12, 13].

³⁰ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 16; М., 2000. Т. XI. С. 11.

³¹ ДДГ. № 12. С. 35, 36; Кучкин В. А. Издание заветаний московских князей XIV в.: Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича. С. 134, 135.

³² Жалованная грамота Олега Рязанского. С. 19.

³³ Писцовые книги Рязанского края: XVI и XVII вв. / Под ред. В. Н. Сторожева. Рязань, 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 203; Вып. 2. С. 461.

с. 371–391]. Не совсем ясно, находились ли данные земли в распоряжении Рязани в XIV в., или же принадлежали пронским князьям.

* * *

Погост Веприя Д. В. Цветаев локализовал на территории Веприйского стана Алексинского уезда³⁴. Река Вепрейка — правый приток р. Оки, впадающей в нее ниже Алексина [Смолицкая, с. 137]. Вепрейский стан существовал в составе Алексинского уезда по писцовой книге 1627/1628–1628/1629 г.³⁵ По ландкарте Алексинского уезда Тульской провинции Вепринский стан занимал территорию от р. Оки на западе до верховьев р. Вепрей и Луптянки на востоке³⁶. Однако В. Н. Дебольский, Л. В. Митрошенкова, А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров локализируют Вепрейку в правобережье р. Лужи [Дебольский, с. 14; Митрошенкова, 2004, с. 38; Мазуров, Никандров, с. 56]. Вепрейская волость существовала в составе Боровского уезда [Водарский, с. 235]. Трудно сделать выбор в пользу того или иного варианта локализации, но, учитывая, 1) что территория «алексинской» Вепрейки входила в XIV–XV в. в состав Тарусского княжества (по В. Н. Темушеву); 2) географическую близость второго варианта расположения волости к иным административно-территориальным единицам духовной Владимира Андреевича, можно предполагать большую вероятность второго варианта локализации [Дебольский, 1902, с. 6–16; Темушеў, с. 99]. В духовной серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича (ок. 1410 г.) упоминается волость Вепрейка. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что погост мог «эволюционировать» в волость. С другой стороны, можно предположить, что погост мог являться центром волости. Вопрос о взаимосвязи между понятиями «погост» и «волость» следует оставить открытым, так как он требует рассмотрения на большем количестве материала. Волость Вепрейка, согласно грамоте, отходила к княгине Алене, жене Владимира³⁷.

* * *

Заячков упоминается впервые в тексте духовной грамоты Семена Ивановича (1353 г.). Л. В. Черепнин на базе данного акта реконструировал текст сильно поврежденной окончательной грамоты Семена Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем, датируемой около марта — мая 1348 г., в которой должен был фигурировать Заячков [Кучкин, 1984, с. 16–24]³⁸. Здесь Заячков указан в числе земель, полученных им от его тетки княгини Анны³⁹. Затем Заячков фигурирует в духовных Ивана Ивановича как владение княгини Марии (наряду с Заберегом), а после ее смерти данные земли должны перейти к жене Ивана Ивановича⁴⁰. По второй договорной грамоте Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича (ок. 1372 г.) Заячков должен был отойти после чьей-то смерти (княгини?) последнему⁴¹.

Возможно, следует обратить внимание на то, что, по духовной Дмитрия Донского, княгиня имела определенные права по распоряжению своим имуществом [Кучкин, 2007б, с. 76; Пушкарева, с. 120]⁴². Ю. Г. Алексеев считает, что княгиня не могла распоряжаться своими землями [Алексеев, с. 106, 108]. Однако это противоречит тексту грамоты (см. доводы Н. Л. Пушкаревой).

³⁴ Жалованная грамота Олега Рязанского. С. 22.

³⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 3. Л. 1129–1185.

³⁶ БАН. Осн. собр. карт. № 420.

³⁷ ДДГ. № 17. С. 47. О датировке грамоты см.: [Каштанов, с. 23–25; Мазуров, Никандров, с. 226–232].

³⁸ См.: ДДГ. № 2. С. 12.

³⁹ Княгиня Анна идентифицируется в литературе с женой Афанасия — брата Ивана Калиты [Экземплярский, т. I, с. 84, примеч. 213; т. II, с. 637, примеч. 2044; Аверьянов, с. 159–164], с сестрой Ивана Калиты, женой некоего рязанского князя [Кучкин, 1993, с. 4–11]. Не так давно А. В. Кузьминым были найдены дополнительные доводы в пользу аргументации В. А. Кучкина [Кузьмин, 2004, с. 115–116].

⁴⁰ ДДГ. № 4. С. 16, 18; Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича. С. 100; *Его же*. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича. С. 98.

⁴¹ ДДГ. № 7. С. 23. Датировку грамоты см.: [Кучкич, 2007а, с. 73–77; Кучкин, 2007б, с. 66–87].

⁴² ДДГ. № 12. С. 35.

Может быть, проявлением этих прав и явился анализируемый пункт dokonчания. Также следует отметить, что расширение прав Евдокии В. А. Кучкин связывает с тем, что последняя являлась исполнительницей воли усопшего [Кучкин, 2001, с. 124–126, 164–165, 172–173].

По второй духовной Дмитрия Ивановича 1389 г., Заячков и Холхол должны отойти к великой княгине⁴³. В следующий раз Заячков упоминается в духовной Михаила Андреевича, князя Верейского и Белозерского, по которой все его имущество отходит московскому князю⁴⁴. Д. В. Цветаев расположил Заячков на территории Малоярославецкого уезда XVI–XVII в., с ним согласилась Л. В. Митрошенкова [Митрошенкова, 2001, с. 172–174]⁴⁵.

Если исходить из того, что Ольгов монастырь мог распоряжаться погостами во второй половине XIV в., то остается неясным, почему одноименные волости неоднократно упоминаются до 1381 г. (дата составления первого из дошедших до нас московско-рязанских договоров) в составе уделов князей московского дома.

Напомним, что А. Ю. Дворниченко датировал грамоту 1355/1356 г., а приписку — 1371–1372 г., так как считает, что погост не может «эволюционировать» в волость; Песочна должна локализоваться в Переяславском уезде, и все остальные административно-территориальные единицы стали переходить к Москве после 1355/1356 г. Таким образом, данная датировка является неверной из-за того, что он исключил возможность «превращения» названия погоста в название волости, и потому, что волость Заячков уже в 1348 г. входила в состав Московского княжества. Также следует отметить, что если Песочна жалованной грамоты была равноценна Песочне духовных грамот московских князей, то уже к концу 30-х годов XIV в. данная волость была в юрисдикции Ивана Калиты.

Фактом, показывающим позднее возникновение «легенды», является отсылка грамоты на рязанских князей XIII в.: Ингваря, Олега и Юрия. Еще А. Е. Пресняков отмечал, что князья указаны не по старшинству [Пресняков, с. 226]. Ингварь умер в 1235 г., его брат Юрий — в 1237 г., сын Ингваря Олег — в 1258 г. [Кузьмин, 2008, с. 40, 55]. Возможно, впрочем, что существовал еще один Олег, погибший в ходе татарского нашествия [Экземплярский, т. II, с. 569–573, примеч. 1842, 1846]. Также следует отметить, что в грамоте князь Ингварь назван «великим». Рязанские князья стали именоваться великими в середине XIII в. (при Олеге Ингваровиче в 1252 г. по реконструкции текста Троицкой летописи, основанной на тексте Симеоновской летописи) или же в последней трети XIII в. (что вероятнее) [Кузьмин, 2008, с. 42]⁴⁶. Это говорит о том, что «легенда» составлялась после того, как сменилось поколение писцов, помнящих о прежнем статусе рязанских князей, то есть примерно в XIV в.

Количество семей, обитающих в погостах, на наш взгляд, не выглядит совсем фантастическим (Песочна — 300 семей, Холохольня — 150, Заячины — 200, Веприя — 200, Заячков — 160 семей), как писал Б. А. Романов [Романов, 1940, с. 218–219]. Так, дьяк московского великого князя Василий Долматов в конце XV в. «посадил» в отнятых у Крошинских князей волостях Ольховец, Лела и Отъезд более 200 семей, а в Тишинове и Сукромне — более 300 семей⁴⁷. Размеры данных волостей (если верить локализациям В. Н. Темушева) соотносимы с волостями-погостами жалованной грамоты Ольгову монастырю [Темушев, 2002, карты 3, 6;

⁴³ Там же. С. 35, 36; Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в.: Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича. С. 134, 135.

⁴⁴ ДДГ. № 80. С. 302, 304, 306, 307, 309, 314, 315. Следует отметить, что Михаил Андреевич довольно «активно» распоряжался Заячковым, жалую населенные пункты данной волости монастырям и служилым людям.

⁴⁵ Жалованная грамота Олега Рязанского. С. 21.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 70; Приселков, с. 324. А. А. Горский считает, что первыми носителями великокняжеского титула были Олег Иванович и Владимир Ярославич (Дмитриевич), что, на наш взгляд, неверно (см. рассуждения А. В. Кузьмина) [Горский, 1996, с. 51–52].

⁴⁷ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. XXXV. № 18. С. 74.

Темушев, 2013, карты 11, 13, 14]. Конечно, ситуацию конца XV в. нельзя переносить на вторую половину XIV в. Но такое количество семей могло быть вполне реальным для эпохи домонгольской Руси. Например, на группе памятников в бассейне р. Мокрая Табола (левый приток р. Дон), которые определяются в совокупности как административная единица Рязанского княжества, в домонгольский период, по оценке М. И. Гоняного, обитало 800–1000 человек [Гоняный, с. 368]. Таким образом, число «семей» жалованной грамоты для первой половины XIII в. не выглядит завышенным.

Отсылка на акты XIII в. носит легендарный характер. Показателем этого является, в частности, то, что монастырь ни разу не пробовал доказать свои права на погосты. При этом монастырь использовал грамоту в спорах, связанных с землевладением с. Арестовского⁴⁸. Еще одним доказательством актуальности грамоты Олега Ивановича в XVII в. является то, что с нее было сделано три списка [Семина, 2009, с. 103; Семина, 2014, с. 260–261].

Причинами возникновения грамоты могут являться: 1) попытка экспансии Рязанского княжества в левобережье Верхней Оки; 2) желание вернуть свои территории, которые были ранее утрачены; 3) увеличение монастырских вотчин (или их возврат?) за счет внешней политики Рязанского княжества. Учитывая принадлежность Песочны к коломенским землям и их освоение в домонгольский период Рязанским княжеством, возможное рязанское происхождение княгини Анны, тетки Семена Гордого, можно сделать предположение о правильности второй интерпретации. Также надо отметить, что четыре волости находятся в уделе княгини: Песочна (с 1359 г., первое упоминание — в 1336–1339 г.), Холхол (с 1389 г.), Вепрея (с 1401/1402 г.) и Заячков (с 1348 г., передана княгиней Анной). Песочна, Холхол и Заячков находятся на территории Московского княжества, Вепрея — Серпуховского. Не стоит забывать, что удел княгини рассматривался немного обособленно от основной территории княжества [Пушкарева, с. 119–120]. Это позволяет говорить об определенной специфике владения данными территориями. Можно полагать, что это были попытки обосновать их принадлежность Москве⁴⁹. Но факт, что одновременно с этим свои права на эти же территории старалась обосновать Рязань. Затем Рязань отказывается от своих притязаний на левобережье Оки: «А межѣ нас рѣздель земли по реку ѿку, ѿт Коломны вверхъ по ѿце, на московской сторонѣ почен Новыи городѣк, Лужа, Верел, Боровескъ и инал мѣста рязанскаа, котораа ни будутъ на тои сторонѣ, то к Москвѣ...»⁵⁰. Но статус земель как уделов княгини сохраняется, как минимум, до начала XV в., то есть до конца княжения Олега Ивановича (Песочна как удел жены великого князя «доживает» до середины XV в.). Все это, вероятно, говорит о том, что второй вариант решения проблемы является более вероятным. Но маловероятно, что Рязанское княжество пошло на мистификацию актов XIII в. без согласия монастыря, который был заинтересован в увеличении своих вотчин.

Таким образом, история землевладения Ольгова монастыря выглядит следующим образом. В первой половине XIII в. Ольгов монастырь, как можно полагать, получает 5 погостов. Территория данных погостов на тот момент принадлежала Рязанскому княжеству. К середине XIV в. часть этих земель переходит под протекторат Москвы. В это же время в Рязани к власти приходит Олег Иванович, ставящий перед собой задачу вернуть Рязанскому княжеству утраченные земли. В связи с этим в жалованную грамоту включается отсылка на акты XIII в., содержащие перечень погостов. Сам акт XIII в., скорее всего, был мистифицирован, однако при этом были учтены реалии XIII в. По решению Олега Ивановича в юрисдикцию монастыря переходит

⁴⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1680 г. Д. 383. Л. 217–218.

⁴⁹ Отметим, что «специфичный» статус владения, как минимум, двух территорий (Песочна и Заячков) появляется в источниках с 50-х годов XIV в. (начало деятельности Олега Ивановича и нижняя дата создания грамоты).

⁵⁰ См.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 343.

с. Арестовское. «Мужи» Олега Ивановича купили у Муромских князей «околицу» Ольгова монастыря, вероятно, находившуюся около монастыря. Затем Рязань отказывается от своих претензий на левобережье Оки и, соответственно, от четырех погостов-волостей, упомянутых в данной жалованной грамоте.

Литература

- Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.
- Алексеев Ю. Г. Духовные грамоты князей московского дома как исторический источник по истории удельной системы // ВИД. Л., 1987. Вып. 18. С. 93–110.
- Беликов В. Ю., Колычева В. И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII вв. // Архив русской истории. М., 1992. № 2. С. 94–121.
- Белы А. Тросненская битва // Вялікае княства літоўскае: энцыклапедыя. Мінск, 2007. Т. II. С. 668
- Бердников [Я. И.] О древней грамоте князя рязанского Олега Иоанновича Ольгову монастырю // ЖМНП. 1837. № 7. С. 134–138.
- Веселовский С. Б., Перцев В. Н. Исторические карты Подмосковья // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1993. Вып. IV. С. 1–58.
- Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
- Гоняный М. И. Древнерусские археологические памятники конца XII – 3-й четверти XIV вв. в нижнем течении р. Мокрая Табола на Куликовом поле // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 361–396.

- Горский А.А. Русские земли в XIII – XIV вв.: пути политического развития. М., 1996.
- Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в.: опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.
- Дворниченко А. Ю. О жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. статей: К 60-летию И. Ю. Фроянова. СПб., 1996. С. 296–306.
- Дебольский Б. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. [Ч. 1.] СПб., 1901; Ч. 2. // Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического общества. Т. VI. СПб., 1903. С. 1 – 57.
- Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества. М., 1858.
- Кашитанов С. М. К вопросу о первом упоминании и времени основания Малоярославца // Малоярославец: Проблемы истории и возрождения. Малоярославец, 2001. С. 23 – 31.
- Кузьмин А. В. Князья Можайска и судьба их владений в XIII–XIV вв.: из истории Смоленской земли // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 107–122.
- Кузьмин А. В. Рязанские, пронские и муромские князья в XIII – середине XIV в. (историко-генеалогическое исследование) // Записки ОР РГБ. М., 2008. Вып. 53. С. 35–60.
- Кучкин В. А. Договор Калитовичей (к датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: статьи и материалы. М., 1984. С. 16 – 24.
- Кучкин В. А. Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей. М., 1993. С. 4–11.
- Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 275 – 316.
- Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 106–181.
- Кучкин В. А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 191–281.
- Кучкин В. А. Договор 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27) С. 5–22. (Кучкин, 2007а)
- Кучкин В. А. К оценке договора 1372 г. великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским // Отечественная история. 2007. № 3. С. 66–87. (Кучкин, 2007б)
- Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности: заселение и объединение земель. Л., 1929.
- Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского централизованного государства. М., 2001.
- Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжество в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008.
- Митрошенкова Л. В. Волость Заячков в XIV–XVII вв. // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции 21–23 марта 2001 г. Калуга, 2001. Ч. I. С. 172–180.
- Митрошенкова Л. В. Малоярославецкий уезд в конце XV – XVIII вв.: Историко-географическое исследование. М., 2004.
- Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
- Пономарева И. Г. К хронологии завещаний московского великого князя Василия Дмитриевича // Русское средневековье: Сб. ст. в честь проф. Ю. Г. Алексева. М., 2012. С. 103–112.
- Пресняков А. Е. Образование великорусского государства: очерки по истории XIII – XIV столетий. П., 1918.
- Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
- Романов Б. А. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича рязанского Ольгову монастырю // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 205–224.
- Романов Б. А. Изыскания о русском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. С. 327–476.

- Русаков П. Е.* Локализация границ населенных пунктов Моржевского стана в Рязанской земле // Археология Подмосквья: материалы научного семинара. М., 2010. Вып. 6. С. 371–391.
- Семина М. В.* Грамота Олега Рязанского: лицевой список второй половины XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 103–104.
- Семина М. В.* Грамота великого князя Рязанского XIV в. // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. LXII. С. 260–268.
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна р. Оки (список рек и озер). М., 1976.
- Темушев В. Н.* Территория и границы Московского княжества в конце XIII – первой половине XIV в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 2002.
- Темушев В. Н.* Западная граница великого княжества московского к 1380 г. // Куликовская битва в истории России: [сб. статей]. Тула, 2006. С. 82–109.
- Темушев В. Н.* Определение места Тростненской битвы 1368 г. // Верхнее Подонье: Археология. История: [Сб. ст.]. Тула, 2008. Вып. 3. С. С. 250 – 255.
- Темушев В. Н.* Первая московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013.
- Хоруженко О.* «Первая литовщина» в летописной статье 1368 г. // Istorijos Lietuvos turimai. Vilnius, 2010. [Т.] II. P. 33–41.
- Цветаев Д. В.* Великий князь Олег Рязанский и его жалованная грамота Ольгову монастырю // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 10. Декабрь. С. 86–113.
- Цемушеў В.* Валконскае княства: [карта] // Вялікае княства літоўскае: энцыклапедыя. Мінск, 2010. Т. III. С. 99.
- [Цепков А. И.]* Слово в защиту игумена Арсения, или Новые данные о подлинности древнейшей рязанской грамоты // Славянские хроники. СПб., 1996. С. 183–191.
- Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1; М.; Л., 1951. Ч. 2.
- Шеков А. В.* Верховские княжества: Середина XIII – середина XVI в. М., 2012.
- Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. I - II. СПб., 1889 - 1891.
- Юшко А. А.* Феодальное землевладение Московской земли XIV в. М., 2002.